

Т. Р. Сабитов
Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: pravo@vestnik.nsu.ru

ПРИНЦИП КОНКРЕТНОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДЕЯНИЙ

В статье раскрывается принцип конкретности при квалификации уголовно-правовых деяний.

Ключевые слова: принцип конкретности, преступление, квалификация.

T. R. Sabitov

Principle of the particularity in the crimes qualification

This article explains the basic principle in the crimes qualification – the principle of the particularity.

Keywords: the principle of the particularity, crime, qualification.

Уголовно-правовой науке известен ряд принципов, на которых основывается квалификация преступлений и других уголовно-правовых деяний. Например, А.И. Рарог выделяет среди них такие принципы как объективность, истинность, точность, полнота квалификации преступлений [11. С. 29-43]. Р.А. Сабитов называет и другие принципы квалификации: субъективного вменения; недопустимости двойного вменения; учета общественной опасности квалифицируемого деяния и наказания, установленного за его совершение; толкования всех сомнений в пользу лица, совершившего общественно опасное деяние; приоритета норм, смягчающих ответственность виновного [12. С. 48]. Украинский ученый В.О. Навроцкий выделяет также принципы официальности, стабильности и индивидуальности [8. С. 329-336].

Принцип конкретности уголовно-правовой квалификации в отечественной теории квалификации преступлений не упоминается. Вместе с тем, существование его очевидно. «Точная квалификация преступлений, – пишет Б.А. Куринов, – предполагает ссылку на статью Особенной части УК, а если статья состоит из нескольких частей, пунктов, то необходимо указать соответствующий пункт и часть этой статьи. Отсутствие в процессуальном документе такого рода ссылки влечет признание квалификации неправильной» [7. С. 32]. В этом и есть сущность рассматриваемого принципа.

Принцип конкретности является преломлением принципа законности применительно к сфере квалификации уголовно-правовых деяний. Принцип законности гласит: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается» (ст. 3 УК РФ). Этот принцип требует применения именно уголовного, а не какого-либо иного закона. При этом если признаки содеянного не соответствуют описанию его хотя бы в одной уголовно-правовой норме, то нормы, устанавливающие уголовную ответственность, в этом случае не подлежат применению. Поэтому и возникает необходимость ответить на вопрос о том, какая именно норма и почему подлежит применению. А применяется она потому, что описывает признаки определенного состава преступления. Следовательно, если норма содержит альтернативные признаки, то необходимо указать конкретный признак, соответствующий содеянному, в противном случае норма применению не подлежит. Именно поэтому квалификация должна быть конкретной.

Требования конкретности квалификации установлены и в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части приговора должны быть указаны: пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого подсудимый признан виновным (п. 3). Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 постановления от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» обратил на это особое внимание: «В приговоре необходимо мотивировать выводы суда относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, его части либо пункту» [3. С. 2].

В судебной практике известны случаи отступления от этого правила, вытекающего из принципа точности квалификации, что влекло отмену судебных решений Верховным Судом РФ [2. С. 7; 4. С. 10]. Так, Электростальским городским судом Московской области 7 октября 1996 г. гражданин Ж. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР. Президиумом Московского областного суда действия Ж.

переквалифицированы с п. «а» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР на ч. 2 ст. 161 УК РФ. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об изменении приговора суда и определения судебной коллегии – переквалификации действий Ж. на п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ и об отмене постановления Президиума Московского областного суда. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 25 сентября 1997 г. протест удовлетворила, т.к. в нарушение требований закона при квалификации действий Ж. Московский областной суд не указал пункт ч. 2 ст. 161 УК РФ, поэтому постановление его Президиума подлежит отмене [5. С. 8].

Некоторые уголовно наказуемые деяния закреплены по большей мере не в Особенной, а в Общей части Уголовного кодекса РФ. Речь идет о неоконченном преступлении и соучастии в преступлении организатора, подстрекателя или пособника. Поэтому, на наш взгляд, прав В.Н. Кудрявцев, что в квалификации преступления должна указываться статья (часть, пункт статьи) Общей части УК РФ, дополняющая или конкретизирующая в указанных выше случаях норму Особенной части [6. С. 10].

Согласно п. 2 ч. 3 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Может показаться, что установление вида вины данная статья не требует. Но это не так. Дело в том, что в ст. 25 и 26 УК РФ не дается непосредственного определения форм вины – умысла или неосторожности. Для раскрытия содержания конкретной формы вины необходимо обратиться к видам вины (ч. 2, 3 ст. 25, ч. 2, 3 ст. 26 УК РФ). Поэтому чтобы доказать форму вины следует доказать ее конкретный вид.

Вместе с тем, по нашему мнению, нет необходимости указывать форму вины в самом результате квалификации, как это предлагал В.Н. Кудрявцев. Он допускал ссылки при отражении результатов квалификации преступления в процессуальном документе не только на ст. 30 и 33 УК РФ, но и на некоторые другие статьи Общей части УК, например на ст. 25 УК РФ [6. С. 10]. Даже если статьей Особенной части УК предусмотрены разные формы вины или разные виды умысла или неосторожности, то ссылка на ту часть статьи Общей части УК РФ, отражающую конкретную форму и вид вины, на выбор конкретной статьи (части, пункта) Особенной части УК не повлияет. Форма вины подлежит учету при назначении лицу справедливого наказания.

На наш взгляд, вряд ли также оправданно дополнять результат квалификации преступлений ссылками, например, на отягчающие наказание обстоятельства (ч. 1 ст. 63 УК РФ) [1. С. 59-61], либо смягчающие обстоятельства (ч. 1 ст. 61 УК РФ) [10. С. 30-31]. Определение данных обстоятельств не влияет на выбор уголовно-правовой нормы, предусматривающей определенный состав уголовно-правового поведения. Более того, эти обстоятельства вообще не закрепляют каких-либо признаков состава преступления. Указанные нормы служат не конкретности квалификации, а индивидуализации наказания, после того как признаки какого-либо состава уголовно-правового деяния уже установлены. В связи с этим лишь недоумение вызывает понятие преступлений экстремистской направленности, данное законодателем в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ. Такими преступлениями признаются «совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса (курсив мой. – Т.С.)».

Нельзя, на наш взгляд, признать состоятельной аргументацию, согласно которой если ссылка на ст. 30 и 33 УК РФ является обязательной, то и обязательно необходимо сослаться, например, на рецидив преступлений (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), особо активную роль в совершении преступления (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и т.д. [1. С. 60-61] Ссылки на ст. 30 и 33 УК РФ служат принципу конкретности квалификации преступлений, но обосновываются совсем другими соображениями. Так, если не произвести ссылку на ст. 30 УК при квалификации неоконченного преступления, то может сложиться впечатление, что в действиях лица содержатся признаки окончченного преступления. А отсутствие ссылки на ст. 33 УК РФ не может свидетельствовать о том, что лицо, совершая организаторские, подстрекательские или пособнические деяния, вовсе не выполняло объективной стороны состава преступления. Таким образом, указание в результате квалификации ссылки на ст. 30 и 33 УК РФ корректирует составы окончченных преступлений и, в конечном счете, служит принципу конкретности квалификации.

Уместно отметить, что, например, в уголовно-правовой доктрине Японии существует универсальное понятие «скорректированные составы преступлений». Японский ученый Ито разделяет скорректированные составы преступлений на составы, скорректированные во времени (покушение на преступление и приготовление к преступлению) и скорректированные по лицам (соисполни-

тельство, подстрекательство и пособничество) [16. С. 477]. Считаем, что эти выводы Ито применимы и к российскому УК, т.к. составы неоконченных преступлений и составы организаторства, подстрекательства и пособничества в большей мере сосредоточены именно в Общей части УК, т.к. именно там описывается само деяние. Ни в ст. 25, ни в ст. 61 и 63 УК РФ отдельных составов уголовно-правовых деяний не предусмотрено.

Не являются сами по себе признаками состава преступления и определения группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы и преступного сообщества, данные в ч. 1-4 ст. 35 УК РФ (если они, конечно, не указаны в конкретной статье Особенной части УК РФ). Поэтому ссылка на данные статьи не служит принципу точности квалификации и не нужна при указании ее результата. Это обстоятельство не всегда учитывается в следственной практике. Так, Н. и С. обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 35 и ст. 275 УК РФ, поскольку преступление совершено группой лиц по предварительному сговору. Приморский краевой суд, учитывая при назначении наказания факт совершения преступления в составе группы лиц по предварительному сговору, в резолютивной части приговора верно вынес решение признать Н. и С. виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, без ссылки на ч. 2 ст. 35 УК РФ [14].

По нашему убеждению, принцип конкретности квалификации должен иметь более широкую сферу действия. Во-первых, в рассмотренных случаях речь идет о квалификации преступлений. Но верно, что «уголовно-правовую квалификацию нельзя сводить только к юридической оценке общественно опасных деяний, предусмотренных Особенной частью УК. Она является родовым понятием, охватывающим как квалификацию преступлений, так и непроступного (посткриминального) поведения» [12. С. 7]. Поэтому объектами квалификации являются:

- 1) общественно опасные деяния, подпадающие под признаки конкретных составов преступлений;
- 2) общественно опасные деяния невменяемых;
- 3) положительные и отрицательные посткриминальные деяния;
- 4) малозначительные деяния и поведение лица при обстоятельствах, исключающих преступность деяния [12. С. 7].

В связи с этим, очевидно, что принцип конкретности квалификации должен распространяться на все вышеперечисленные объекты. Во-вторых, в уголовно-правовой литературе действие принципа конкретности квалификации распространяют только на ее результат – закрепление статьи (части, пункта) УК РФ в уголовно-процессуальном документе. С этим можно было бы согласиться, если не связывать квалификацию уголовно-правовых деяний с процессом установления тождества фактических признаков общественно опасного деяния и признаков конкретного состава уголовно-правового деяния. Однако видение квалификации уголовно-правовых деяний как процесса влечет вывод: в конкретности нуждается установление всех признаков состава преступления по отдельности, а не только статьи (части, пункта) УК РФ. Иначе говоря, конкретными должны быть и промежуточные результаты квалификации, обеспечивающие правильный ее процесс. На конкретность квалификации нацеливает ст. 8 УК РФ – необходимо установить и доказать все признаки состава преступления. Отсутствие тождества хотя бы одному из признаков состава акта поведения делает квалификацию приблизительной. Поэтому необходимо производить точную квалификацию по каждому элементу, каждому признаку состава деяния.

С этих позиций вряд ли можно признать квалификацию конкретной, даже если в конечном счете статья УК РФ определена правильно. Изучение практики судов Новосибирской области показало, что в приговорах, вынесенных ими, иногда указывается только форма вины (умысел или неосторожность), с которой совершено преступление, но не устанавливается ее вид (прямой или косвенный умысел, легкомыслие или небрежность), а также не устанавливается ее содержание.

Так, Кочневским районным судом Новосибирской области гражданин Ш. был осужден по ч. 1 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему Б. В ходе судебного разбирательства Ш. были приведены доводы о том, что тяжкий вред здоровью потерпевшего он причинил по неосторожности. Даже, несмотря на это, находя доводы подсудимого несостоятельными, суд в обвинительном приговоре не указал вида умысла (прямой или косвенный) и в чем согласно положению ст. 25 УК РФ он конкретно выразался [15].

В.О. Навроцкий, в реализацию данного принципа *de lege ferenda* обосновывает необходимость выполнить более глубокую структуризацию уголовного законодательства на уровне отдельных статей. Например, им предлагается выделить самостоятельными пунктами с цифровым или буквенным обозначением каждый альтернативный признак состава преступления в Особенной части

УК. Аналогичную структуризацию автор предлагает произвести и в Общей части, например, выделив в пункты отдельные виды пособнических действий [8. С. 409-410]. На наш взгляд, это ценное и, несомненно, способствующее реализации принципа конкретности квалификации, предложение.

Отметим, что в некоторых нормах УК России эта идея уже частично реализована. Речь идет, например, о составах преступлений, предусматривающих отягчающие обстоятельства. В преобладающем большинстве квалифицированных и особо квалифицированных составов при наличии более двух квалифицирующих признаков, данные признаки выделяются в отдельные пункты (например, п. «а»-«м» ч. 2 ст. 105, п. «а»-«з» ч. 2 ст. 126, п. «а»-«г» ч. 2 ст. 158 УК РФ и т.д.).

Вместе с тем за последнее время такой прием законодательной техники в федеральных законах, вносящих изменения и дополнения в УК РФ, используется все реже. Так, только два квалифицирующих признака теперь по пунктам перечислены в ч. 4 ст. 158 РФ (п. «а» – организованной группой, «б» – в особо крупном размере), ч. 4 ст. 161 УК РФ (п. «а» – организованной группой, «б» – в особо крупном размере), ч. 3 ст. 165 УК РФ (п. «а» – совершенные организованной группой, «б» – причинившие особо крупный ущерб) и т.д.

Распределение признаков состава преступления по пунктам используется не только в квалифицированных, но и в простых составах преступлений, предусмотренных УК РФ. Так, на момент вступления в силу УК РФ 1996 г. были выведены в отдельные пункты также и признаки простого состава незаконной охоты (п. «а»-«г» ч. 1 ст. 258 УК РФ). С вступлением в силу Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ [13] в ч. 1 ст. 213 УК РФ включены альтернативные признаки хулиганства, предусмотренные двумя различными пунктами («а» – с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия и «б» – по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы).

Таким образом, в действующем УК РФ России нет единого подхода к закреплению альтернативных признаков составов преступлений. В целях обеспечения эффективности действия уголовно-правовых норм необходимо определить единую законодательную технику в отношении этих признаков и, по нашему убеждению, основой здесь должен являться принцип конкретности квалификации. Считаем, что следует поддержать предложение В.О. Навроцкого и разделить все альтернативные признаки, предусмотренные как в Общей (конкретные действия при приготовлении к преступлению, виды соучастников, формы соучастия и т.д.), так и в Особенной частях УК РФ.

Данный шаг, по нашему мнению, будет способствовать реализации принципа законности и его подчиненного принципа – принципа конкретности квалификации. Правоприменителю в таком случае придется ссылаться при квалификации уголовно-правового деяния в процессуальных документах уже не на ряд обстоятельств, одно из которых возможно является определяющим, а на конкретное обстоятельство, закрепленное конкретным пунктом статьи УК РФ.

Это позволит избежать и некоторые курьезные ситуации при толковании признаков некоторых составов преступлений. Так, отсутствие специальных пунктов для квалифицирующих признаков «группой лиц по предварительному сговору» и «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» в ч. 2 ст. 162 УК РФ увело Пленум Верховного Суда РФ при даче разъяснения в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 от предложения конкретной квалификации: «Действия лица, совершившего нападение с целью хищения чужого имущества с использованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, либо с угрозой применения такого насилия, надлежит квалифицировать с учетом конкретных обстоятельств дела по ч. 2 ст. 162 (курсив мой – Т.С.)» (п. 23) [9]. В связи с этим, возможно предположить, что Пленум допускает квалификацию данного преступления как совершенного группой лиц по предварительному сговору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буранов Г.К. Отягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 7.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 12.
4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 10.
5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 5.
6. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999.
7. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений: Учебное пособие. М., 1984.

8. *Навроцький В.О.* Теоретичні проблеми кримінально-правової кваліфікації. Київ, 1999.
9. *О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Российская газета.* 2003. 18 января.
10. *Рарог А.И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений: Практическое пособие. М., 2006.
11. *Рарог А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003.
12. *Сабитов Р.А.* Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2003.
13. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2007. № 31. Ст. 4008.
14. *Уголовное дело № 471/2004 // Архив Приморского краевого суда за 2004 г.*
15. *Уголовное дело № 72015 // Архив Коченевского районного суда Новосибирской области за 2005 г.*
16. *Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие / Под ред. И.Д. Козочкина.* М., 2003.

Материал поступил в редколлегию 20.10.2008.